

Н. Ф. Котляр

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ КРЕДО ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОГО СВОДА

Галицко-Волынский свод XIII в., на мой взгляд, вовсе не является летописью в традиционном понимании этого термина. Он представляет собой собрание (свод) различных повестей, посвященных воинским и мирным деяниям детей и внуков основателя Галицко-Волынского княжества Романа Мстиславича, прежде всего, его старшего сына Даниила¹. Уже поэтому, думается, авторское начало в этом своде должно быть выражено более отчетливо, чем в традиционных летописях. Наблюдения над его текстом привели к выводу, что существуют возможности выделять основные идейно-политические линии памятника, искать в Галицко-Волынском своде если не целостную концепцию, то, по меньшей мере, общее для произведения (или одной из двух его крупных составных частей) кредо, которому следовали его авторы, редакторы и составители.

Трудно, наверное, оспорить мысль, согласно которой Галицко-Волынский свод принадлежит к числу наиболее выдающихся памятников древнерусской словесности. А «в каждой культуре прошлого заложены огромные смысловые возможности, которые остались нераскрытыми и неосознанными...», — писал выдающийся исследователь. Эти слова относятся, разумеется, и к отдельным произведениям, составляющим ту или иную культуру. «Мы ставим чужой (в данном контексте: отделенной от нас толщей столетий. — *Н. К.*) культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, — продолжает ученый, — мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины». Проблема состоит в том, чтобы правильно и корректно ставить такие вопросы, и тогда перед исследователем откроются «огромные, неограниченные массы забытых смыслов»².

Полагаю, эти глубокие мысли М. М. Бахтина особенно полезны в области исследования выдающихся памятников древнерусской литературы, подобных Галицко-Волынскому своду.

При том, что Галицко-Волынскому своду посвящена немалая научная литература, о его идейных мотивах писали совсем немного. Пожалуй, лишь Л. В. Черепнин уделил этой теме серьезное внимание. Он справедливо, как мне кажется, видел одну из основных задач галицких книжников в идеологическом обосновании той ожесточенной и длительной борьбы, которую вел Даниил Романович против мятежного галицкого боярства³. Несколько иначе представлял

¹ См. об этом подробно: *Котляр Н. Ф.* Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995 г. М., 1997. С. 80—165.

² *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 333, 334.

³ *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. М., 1941. № 12. С. 234—235.

магистральную идею памятника другой ученый: «Галицко-Волынская Русь оставила нам прекрасную повесть, автор которой так понимал свою задачу: “Начнем же сказати безчисленныя рати, и великия труды, и частыя войны, и многия крамолы...”»⁴. Впрочем, и Черепнин называл свод летописью о великих мятежах и боярском беззаконье. Принимая оба изложенных выше определения идейной и тематической направленности Галицко-Волынского свода, попытаюсь развить и конкретизировать их.

По моему мнению, главная идея Галицко-Волынского свода, особенно четко прослеживающаяся в его части, относящейся к 1205—1245 г. (Летописец Даниила Галицкого), — это апология сильной, никем и ничем не ограниченной княжеской власти. Авторы, редакторы и составители памятника возвеличивают, отстаивают и пропагандируют верховную власть князя: хранителя законов, порядка и стабильности в обществе, государя, способного защитить народ и от внешнего врага, и от произвола боярства.

Книжники постоянно превозносят Романа и Романовичей, начиная буквально с первых строк сохранившейся части свода. Открывающий его величественный и эмоционально-возвышенный панегирик Роману Мстиславичу есть не что иное, как мечта об идеальном князе. Автор панегирика видит в нем «[присно]памятнаго и самодръжца всея Руси, одолѣвша всѣмъ поганьскымъ языкомъ (народы. — Н. К.), ума мудростию ходяще по заповѣдемъ Божиимъ...».

Далее следует многократно рассматривавшийся в литературе рассказ о подвигах князя Романа в борьбе с неверными, которые он совершал в подражание своему великому «деду» Владимиру Мономаху⁵. Хотелось бы обратить внимание читателя на слова «ума мудростию ходяще по заповѣдемъ Божиимъ», которыми подчеркивается следование галицко-волынского государя предписаниям Господа и тем самым обосновывается высшая законность его деяний в войнах против кочевников, главных врагов Руси. Этот панегирик Роману Мстиславичу задает возвышенную тональность последующим рассказам свода о подвигах его сына Даниила в битвах за родную землю.

Прославляя Даниила и Василько Романовичей, галицкие авторы и редакторы постоянно подчеркивают их происхождение от Романа, утверждают равенство их деяний с поступками великого отца. Описывая победоносную войну Романовичей против агрессивных ятвяжских князьков, книжник восклицает: «и прийдоста съ славою на землю свою, наслѣдивша путь отца своего великаго [князя] Романа, иже бѣ изострился на поганья, яко левъ, имъ же половци дѣти страхаху»⁶ — видим здесь явный перепев панегирика Роману в начале свода. Когда через несколько лет Даниил вновь победил ятвягов (которых громил и его отец), автор отмечает: «по великомъ бо князи Романѣ никто же не бѣ воевалъ на нѣ в рускыхъ князехъ, развѣ сына его Данила»⁷.

Галицкий автор все с той же целью апологии своих князей вспоминает воинские деяния и более далеких славных предков Романовичей. Рассказывая об их победоносной войне с Польшей, он восклицает: «И внидоста съ славою въ землю свою: иный бо князь не въходил бѣ въ землю Лядскую толь глубоко, проче Володимера Великого, иже бѣ землю крестиль»⁸. Воображаемый книжником грандиозный масштаб этой, в сущности, рядовой победы над Польшей подчеркивается сравнением Даниила и Василька с их славным предком, крестителем Руси.

Неоднократно описывает летописец любовь Романовичей к простым людям, заботу этих князей о них, защиту от иноземных агрессоров и боярских притеснений. И народ платил своим князьям привязанностью и преданностью, постоянной поддержкой в их государственно-созидательной

⁴ Рыбаков Б. А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII—XV вв. Ч. 1. М., 1969. С. 349.

⁵ Галицко-Волынский літопис. За ред. М. Ф. Котляра. Київ, 2002. С. 77.

⁶ Там же. С. 111.

⁷ Там же. С. 119.

⁸ Там же. С. 92.

деятельности. В 1238 г. Даниил решает вернуть себе Галич, в котором сидел боярский ставленник, черниговский княжич Ростислав. Подъехав к городу, он обращается к горожанам с предложением принять его в князья. «Они же въскликнувшє рѣша, яко: “Се єсть дрѣжатєль нашѣ, Богомъ даньный” — и пустишася яко дѣти къ отцу и яко пчєлы к матцѣ, яко жажущиє воды къ источнику...»⁹.

Явно фольклорное происхождение, на мой взгляд, имеет следующий рассказ Галицко-Волынского свода. Даниил якобы остается лишь с 18 младшими дружинниками и созывает вече в Галиче с просьбой помочь ему против врагов — бояр: «“Хочете ли быти вѣрни мнѣ, да изыду на враги моа?” Онѣмъ же кликнувшимъ: “Вѣрни єсмы Богу и тобѣ господину нашему, изыди з Божиєю помощию”; соцькый же Микула рече: “Господине! Не погнетши пчєль, меду не ясти!”»¹⁰.

Вне сомнения, речь шла о галицком боярстве. Польская хроника XIII в. прибегает к этому, вероятно, распространенному в славянском мире образу, описывая жестокую борьбу отца Даниила Романа против тех бояр, с которыми пришлось схватиться его сыну: «Отсюда и возникла эта известная поговорка: “Нєльзя безопасно попробовать мед пчєл, пока не будет совершенно уничтожен их рой”»¹¹. Эта история свидетельствует о поддержке горожанами Галича борьбы Даниила против жадных и заносчивых бояр.

Свою государственную деятельность Романовичам довелось проводить, преодолевая сильнейшее, упорное и многолетнее сопротивление внутренних и внешних врагов. Не случайно логическую ткань изложения первой большой составной части свода, Летописца Даниила Галицкого, в двух местах разрывают торжественные, тревожно-настойчивые слова, идентичные по смыслу и почти тождественные по форме: «Начнемъ же сказати бесчисленьна рати, и великиа труды, и частыа войны, и многыа крамолы, и чыстая вѣстания и многыа мятежи; измлада бо не бы има покоа»¹². Последние слова относятся к братьям-Романовичам, которым пришлось много трудиться в области государственного строительства и управления, вести бесчисленные войны, противостоять многим «крамолам», подавлять частые восстания и многие мятежи.

Крамолы, восстания и мятежи были делом рук великих галицких бояр, препятствовавших восстановлению Романовичами могущественного и объединенного Галицко-Волынского княжества, созданного их отцом. Цитированные слова свода относятся к концу 20-х г. XIII в., ко времени, когда Романовичи начали восстанавливать Волынское княжество — и натолкнулись на бешеное сопротивление бояр и зависимых от них удельных князей.

Следующий подобный пассаж, характеризовавший политическое и социальное положение Романовичей в Галицко-Волынской Руси, относится к началу 30-х г. XIII в.: «По семь скажемъ многыа мятежи, и великыа лъсти, и бесчисленьна рати»¹³. Слово «лъсть» (обман, хитрость, коварство и пр.) употреблено здесь вовсе не случайно. Сразу же после цитированных слов рассказывается о «крамолах» галицких бояр, неоднократно покушавшихся на жизнь своего господина. Не случайно также гнев и обличительный пафос авторов и составителей Галицко-Волынского свода обращен преимущественно против крупных галицких бояр — главной деструктивной силы в обществе, препятствовавшей вокняжению Романовичей в отцовском княжестве и тянувшей край назад, в омут удельной раздробленности.

Сравнительно нечасто галицкие и волынские книжники напрямую обличают бояр, «мятежников земли». Гораздо чаще это делается путем разоблачения их неблагоприятных поступков, в особенности коварства, лжи и предательства. К числу наиболее ярких примеров открытого и резкого осуждения

⁹ Там же. С. 98—99.

¹⁰ Там же. С. 94.

¹¹ «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. М., 1987. С. 137.

¹² Галицко-Волыньскій літопис. С. 89.

¹³ Там же. С. 93.

авторами олигархов отношу следующие. Боярин Жирослав около 1224 г. оклеветал тогдашнего галицкого князя Мстислава (тестя Даниила) перед галицкими боярами. Обман был раскрыт: «Князю же обличившо... Жирослава, и изгна и отъ себе, яко же изгна Богъ Каина отъ лица своего...».

Используя убийственное сравнение клеветника с Каином, книжник далее помещает гневную филиппику в его адрес: «Жирославъ раздвиже уста своя на господина своего, да не будетъ ему пристанка во всѣхъ земляхъ, в Рускихъ и въ Угорскихъ, ни в кыхъ же странахъ, да ходить шатаеся въ странахъ, желание брашна да будетъ ему, вина же и олу поскуду да будетъ ему, и да будетъ дворъ его пустъ, и въ селѣ его не будетъ живущего»¹⁴. Цитированный фрагмент принадлежит, на мой взгляд, к наивысшим образцам обличительной древнерусской литературы. В дальнейшем рассказе наш книжник сравнивает умышлявших на жизнь Даниила бояр Молибоговичей с «русским Каином» (так называет его Повесть временных лет): «Невѣрнымъ Молибоговичемъ ... рекшимъ, яко: “Свѣтъ нашъ раздрущися” и побѣгшимъ имъ, яко и оканный Святополкъ»¹⁵.

Не менее красноречив и рассказ Летописца Даниила о взятии князем Галича в 1230 г. Он отпустил затем в Венгрию сына короля. Книжник гневно восклицает: «Изыде же с нимъ единъ Судиславъ (глава боярской оппозиции Романовичам. — Н. К.), на нь же мета[ху] камение рекуще: “Изыди из града, мятежнице земли!”»¹⁶ — в этом проглядывает одна из идей Галицко-Волынского свода: худшие грех и деяния этого боярина состоят в возмущении («мятеже») страны, подрыве княжеской власти.

Особенно злостным и преступным нарушением норм феодального права, предписывавшего верность вассалов своему сюзерену-князю, были неоднократные попытки бояр убить Даниила, их открытые выступления против него с оружием в руках. Сказав о «многих мятежах» и «великих льстях» при описании событий 1230 г., книжник тут же повествует о нескольких заговорах, преследовавших целью лишить жизни старшего Романовича. Он не жалеет осудительных эпитетов и сравнений, описывая предательские действия боярских олигархов: «Крамолѣ же бывши въ безбожныхъ боярехъ галицкихъ, съвѣтъ створше съ браточядиемъ его Олександромъ на убиение и предане земли его»¹⁷. Запомним, что бояре привлекли к своему заговору двоюродного брата Даниила, белзского князя Александра Всеволодича. Лишь случай спас князя. Но тут же боярин Филипп пытался заманить Даниила в свой замок Вишню с целью умертвить его. Коварную интригу раскрыл тысяцкий Даниила Демьян¹⁸...

Высшей точки обличения достигает описание боярских покушений на жизнь, честь и достоинство своего сюзерена в следующем рассказе свода: «И нѣкогда ему в пиру веселящуся, одинъ отъ тѣхъ безбожныхъ боярѣ лице зали ему чашею, и то ему стерпѣвшю, — иногда же да Богъ имъ възмездие»¹⁹ — не имеется ли здесь в виду расправа Даниила над олигархами после битвы при Ярославле в 1245 г.? Впрочем, вряд ли подобный эпизод произошел в действительности. Скорее всего, писатель с целью обличения бояр использовал распространенный в средневековой литературе и фольклоре образ самого страшного оскорбления, какое только может нанести вассал своему господину. Вероятно, этот рассказ родился в кругу близких соратников Даниила, возможно, его дружинников.

Бояре не просто посягали на жизнь Даниила Романовича — они нагло и бесцеремонно покушались на княжеский престол, что было неслыханным делом на Руси и грубо нарушало норму феодального права, согласно которой князем на Руси мог стать лишь член правящей династии Рюриковичей. Впервые боярин Владислав Кормильчич взгромоздился на княжеский

¹⁴ Там же. С. 88.

¹⁵ Там же. С. 93.

¹⁶ Там же. С. 92.

¹⁷ Там же. С. 93.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 94.

стол в 1212 г., отняв его у одиннадцатилетнего Даниила. Это вызвало всеобщее возмущение на Руси и среди ее соседей. Поэтому венгерский король Андрей в 1214 г. был вынужден устранить Владислава с галицкого престола и заточить в одном из своих замков, — но лишь для того, чтобы посадить в Галиче своего сына!²⁰

Следующая боярская попытка вокняжиться в Галицкой земле относится к 1241 г., когда власть Романовичей была серьезно подорвана нашествием орд Батые. Вернувшись на Русь из эмиграции, Даниил оказался в трудном положении. Галицкий книжник гневно восклицает: «Бояре же галицьстии Данила княземь собѣ называху, а сами всю землю дрѣжаху; Доброславъ же въкняжилъся бѣ и Судьичъ, поповъ внукъ, и грабяше всю землю, и въшедь въ Бакату, все Понизье прія, безъ княжа повеления; Григорія же Васильевича себѣ горнюю страну Премьшльскую мысляше одрѣжати; и бысть мятежь великъ въ земли и грабежь отъ нихъ...» Словно истинный князь, боярин Григорий раздавал земли в Коломыйской волости своим вассалам²¹. С удовлетворением и злорадством автор повествует о том, как Даниил умело и быстро подавил боярский мятеж и бросил самозванных князей в темницу.

Даже некоторые из волынских бояр, которые в течение многих лет обычно во всем поддерживали своего князя, после «Батыева погрома» вышли из повиновения. Когда Даниил Романович в 1241 г., возвращаясь из Польши, подошел к волынскому городу Дорогичину и «въсхоти внити въ градъ, и вѣстьно бысть ему, яко: “Не внидеши въ градъ”; оному рекъшу, яко: “Сый былъ градъ нашъ и отецъ нашихъ”» — и получил наглый ответ: «“Вы же не изволисте внити в онь”, и отъиде мысля си, иже Богъ послѣди же отместие сътвори дрѣжателю града того и вдасть и в руци Данилу...»²² — с удовлетворением замечает книжник.

Не раз с осуждением описывают авторы Галицко-Волынского свода вооруженные выступления галицких бояр против своих сюзеренов. В 30-х годах XIII в. бояре неоднократно инициируют вторжения венгерских войск в Галицкую землю²³ и принимают участие в походах короля против своих князей. Во время одной из битв бояре пытались убить Даниила, но добрый конь вынес его из гущи битвы²⁴...

Галицкий автор клеймит позором действия бояр, стремившихся отдать Галицкую землю Венгрии: изгнанный Даниилом великий боярин Судислав подстрекает венгерского короля воевать Галич: «Судиславу глаголющу непрестанно: “Изыдѣте на Галиць и примѣте землю Рускую; аще не пойдеши, но укрѣпятся на ны”»²⁵ (Романовичи. — Н. К.).

Напротив, без особого возмущения и эмоций повествуют галицкие и волынские книжники о постоянных изменах бояр своим сюзеренам. Вероятно, в их глазах это было делом обычным, будничным и вытекающим из самой природы боярских олигархов Галицкой земли. Во время одной из войн между Даниилом и венгерским королем, рассказывает автор, «приемъ король Ярославъ, и поиде к Галичу. Климьята же съ Голыхъ Горъ бѣжа отъ князя Данила къ королеви, и по немъ вси бояре галицькыи предашася»²⁶. Итак, галицкие бояре в массе своей в очередной раз изменили князю и перешли на сторону врага.

Так поступали они не только из ненависти к Романовичам, стремившимся объединить Галицко-Волынскую Русь и укротить боярское своеволие. Не задумываясь ни на миг, они точно так же предавали своего венгерского покровителя и бежали к Даниилу, если тот одерживал верх

²⁰ Там же. С. 81—82.

²¹ Там же. С. 103.

²² Там же. С. 102.

²³ Там же. С. 92—93.

²⁴ Там же. С. 95—96.

²⁵ Там же. С. 92.

²⁶ Там же. С. 94.

над венграми: «Отъступи Глѣбъ Зѣремѣвичъ отъ королевича къ Данилови»²⁷. А в случае неясного исхода борьбы между королем и Романовичами бояре стремились обеспечить себе поддержку и той и другой стороны: «Малу же времени минувшю, королевичъ (в Галиче. — Н. К.) умре; послаша галичане (предводители бояр. — Н. К.) по Данила Чермьнаго Семьюнка, а Судиславъ иде въ Угры»²⁸.

При том, что великие галицкие бояре временами посягали на княжеский престол, все же они понимали, что князем в их земле может быть (и признаваться князем в обществе) лишь им рожденный. Поэтому в упорном и кровавом противостоянии со своими законными властителями Романовичами они с самого начала стремились опереться на каких-либо других князей, которыми можно было бы управлять и манипулировать. Авторы и редакторы нашего свода постоянно и гневно осуждают таких князей, пособников бояр, в неблагоприятном деле противостояния Романовичам — «мятеже страны».

Еще при жизни Романа Мстиславича, жестоко подавлявшего боярскую оппозицию, уничтожившего и изгнавшего за пределы княжества глав многих боярских родов, галицкие олигархи начали подыскивать ему конкурента. Их взор обратился в сторону небогатых и амбициозных чернигово-северских князей Игоревичей, сыновей прославленного в «Слове о полку Игореве» Игоря Святославича. Об этом стало известно Роману Мстиславичу, и он расправился с боярами, подкапывавшимися под его престол. Повествуя о временах, наставших после гибели Романа в Польше летом 1205 г., галицкий автор свидетельствует: «Малу же времени минувши, и приведоша Кормилчича, иже бѣ загналъ великый князь Романъ, невѣры (измены. — Н. К.) ради: словяху бо Игоревича»²⁹. Владислав Кормильчич продолжал вынашивать планы приглашения Игоревичей в князья, небезосновательно надеясь на то, что не имевшие ни богатств, ни земель, ни корней в Галицкой земле дети Игоря Святославича превратятся в послушных марионеток в их руках. Так поначалу и случилось.

Галицкие бояре солидаризовались с одним из глав враждебно настроенных к Роману и Романовичам партий: «Послушавше же ихъ галицкии бояре, и послаша по нихъ, и посадиша в Галичи Володимера, а Романа въ Звинигородѣ»³⁰. Так было положено начало раздроблению созданного Романом Мстиславичем великого Галицко-Волынского княжества. Авторы и составители нашего свода с осуждением пишут о дальнейшем утверждении Игоревичей в Галицко-Волынской Руси, которое открыло путь боярскому произволу, ослаблению страны, вражеским вторжениям и оккупации. Достаточно сказать, что вскоре в Галиче был поставлен венгерский гарнизон, который с небольшими перерывами находился в городе вплоть до 1245 г.

Игоревичи постепенно утверждают в Галицко-Волынской Руси: «Сѣде же Володимеръ в Галичи, а Романъ въ Звинигородѣ, а Святославъ в Перемышли, а сынови своему (Владимир. — Н. К.) да Теробовль Изславу»³¹. Раздробление Галицко-Волынского княжества усилилось. Но вскоре Игоревичи вышли из повиновения боярам и попытались проводить самостоятельную политику, более того, они учинили резню в стане бояр, попытавшись избавиться от унижительного положения боярских марионеток³².

Однако Игоревичи не учли ни громадной силы галицкого боярства, ни той вооруженной поддержки, которую оказывал боярам венгерский король. Они попали в плен к венграм, а бояре выкупили их за большие деньги и расправились с князьями, о чем с возмущением и ужасом

²⁷ Там же. С. 96.

²⁸ Там же. С. 96—97.

²⁹ Там же. С. 77.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 79.

³² Там же.

пишет галицкий книжник: «Убѣжени же бывше угре великими дарми, предани быша (Игоревичи боярами. — Н. К.) на повѣшение...»³³. Этот единственный в древнерусской истории случай публичной расправы бояр над своими князьями свидетельствует не только об огромной силе и самовласти галицких олигархов. Он говорит также и о том, что галицкие бояре смотрели на Игоревичей как на своих обычных прислужников, которые должны были выполнять их приказы. Коль скоро Игоревичи вышли из боярского повиновения, да еще и осмелились истребить часть бояр, с ними поступили как с обычными слугами, презрев их княжеское достоинство.

Избавившись от Игоревичей, галицкие олигархи подыскали себе иную марионетку — пересопницкого удельного князя Мстислава. Бояре послали в Пересопницу «къ Мъстиславу, възведшимъ Мъстислава: и приѣде Мстиславъ с ними къ Бозьку». Мстислав сумел на короткое время вокняжиться в Галиче, а княгиня Анна с Даниилом бежала в Венгрию³⁴ — вновь была проведена генеральная линия политики бояр, рассчитанная на недопущение утверждения в Галицкой земле Романовичей, законных наследников Романа Мстиславича («отчичей»). Результатом этой политической комбинации стало... вокняжение лидера бояр Владислава в стольном граде Галицкой земли.

Более четверти века охотно служил галицким великим боярам князь Александр белзский, стремившийся закрепить за собой Волынь и в дальнейшем — захватить Галич с землей. Когда в 1219 г. по договору с польским князем Лешекком и по соглашению с боярами в Галиче вокняжился Мстислав Мстиславич Удатный, сидевший тогда на Волыни Даниил заключил с ним союз, женившись на дочери Мстислава Анне. Это не входило в планы ни бояр, ни их марионетки князя Александра белзского: «Олександръ всегда вражду имѣаше къ своимъ братомъ Романовичемъ, Данилови и Василкови; слышавъ, яко Мъстиславъ не имѣеть любви къ зятю своему князю Данилови, радости исплнивься понужеваше Мстислава на рать»³⁵. Александр стремился захватить не контролируемую им часть Волыни. Втираясь в доверие к Мстиславу, он надеялся в будущем овладеть и Галицкой землей.

В скором времени Александр вновь оклеветал Даниила перед Мстиславом: «Зять твой убити тя хочеть», но эти слова его посланца Яня были с недоверием восприняты и Мстиславом и «всеми князьями» — «и рекшимъ же всѣмъ княземъ (Даниилу. — Н. К.): “Прийми всю власть (волюсть. — Н. К.) его за соромъ свой”; онъ же за братолюбие не прия власти его, и вси похвалиша ему»³⁶. Книжник, рисуя неблагоприятные поступки боярского прислужника Александра, тем самым ярко оттеняет благородство и нестяжательство своего героя.

На примере храброго воина, но плохого политика Мстислава Мстиславича Удатного автор показывает, что подчинение князя боярам привело к предательству им своего народа: «Потом же Судиславу лъстящю подо Мъстиславомъ, рече ему: “Княже! Дай дъщерь свою обрученную за королевича и дай ему Галичь: не можешъ бо дрѣжати самъ, а бояре не хотять тебе”» (здесь и в дальнейшем подчеркнуто мною. — Н. К.). Просто и цинично боярские предводители объяснили ему смысл своего требования: «Аже и даси королевичю, когда въсхощещи и можещи [ли] взяти подъ нимъ; даси ли Данилови, в вѣкы не твой будетъ Галичь!»³⁷. Итак, подчеркивает галицкий книжник, бояре склоняли князя к измене национальным интересам (сами они давно уже предали их), лишь бы только не допустить возвращения Романовичей и восстановления Галицко-Волынского княжества с сильной централизованной властью.

Перед смертью изгнанный боярами из Галича и земли Мстислав признался, что оказался игрушкой в боярских руках, и велел послу Даниила Демьяну передать своему господину:

³³ Там же. С. 80.

³⁴ Там же. С. 81.

³⁵ Там же. С. 87.

³⁶ Там же. С. 87—88.

³⁷ Там же. С. 89.

«Сыну! Съгрѣших не давь тобѣ Галича, но дахъ иноплеменьнику, Судислава лествца съвѣтомъ, обольсти бо ми»³⁸.

Александр же белзский уже не смог (и, вероятно, не хотел) свернуть со скользкой дорожки прислужничества боярским олигархам и в 30-х годах XIII в. примкнул к заговорам, имевшим целью убийство Даниила. Один из заговоров потерпел неудачу. Но сразу же после этого «Филиппъ безбожный зва князя Данила въ Вишню: другии же съвѣтъ сътвориша на убиение его съ Александромъ братучядомъ его»³⁹.

Этот заговор сумел раскрыть верный Романовичам боярин. После этого князь Александр укрылся в гнезде боярской оппозиции, затерянном в горах галицком городе Перемышле. Даниил двинулся вслед за ним, после чего Александр бежал в Венгрию, где соединился с Судиславом. Вместе с венгерским войском и боярскими отрядами Александр напал на Галицкую землю, но был разбит⁴⁰. Впоследствии он попытался помириться с Даниилом, но во время осады Романовичами Галича в 1234 г. Романовичами Судислав уговорил белзского князя изменить им...⁴¹

Конец этой боярской марионетки был бесславным и закономерным, в чем убежден галицкий книжник: «Олександръ убоявся злого своего сътворения, поиде къ тестю⁴² своему въ Киевъ; Даниль же увѣдавъ изыде на нь из Галича, угони его въ Полоном, и яша и в лузѣ Хоморскомъ»⁴³. После этого известия о белзском князе исчезают со страниц источников. Вероятнее всего, он закончил свои дни в одном из волынских замков Даниила Романовича.

Потеряв Александра, боярские олигархи в соперничестве за власть в Галицкой земле делают ставку на другую марионетку – сына черниговского князя Михаила Всеволодича Ростислава.

Всю вторую половину 30-х г. XIII в. Ростислав претендовал на Галич, а временами сидел даже на галицком столе. В 1238 г. Даниил отвоевал Галицкую землю у бояр и их ставленника Ростислава⁴⁴, но ослабившее княжескую власть на Руси нашествие полчищ Батые способствовало оживлению феодальной фронды, соответственно, — активизации усилий боярского ставленника Ростислава в деле овладения Галичем. Вскоре после возвращения Даниила Романовича из эмиграции в 1241 г. Ростислав предпринял попытку завладеть галицким Понизьем, но был отброшен «печатником» Даниила Кириллом. Вскоре Ростислав предпринял новую попытку завладеть Галицкой землей. Один из авторов свода недвусмысленно-осудительно описывает его действия: «Ростиславъ же однако не престаяше отъ злоби своей, но воя собралъ и Володислава невѣрнаго, поиде на Галичъ». Чувствовавший себя тогда хозяином положения великий боярин Владислав заявляет Ростиславу: «Твой есть Галичъ», а сам прия тысящу от него» — итак, боярин незаконно дает Галич своей марионетке, ставит самого себя в тысяцкие и пытается наладить оборону от войска Даниила, но, ввиду приближения сил Романовичей, «онъ же (Ростислав. — Н. К.), не стерпѣвый, бѣже изъ Галича... и с нимъ же бѣжа Артемий, епископъ Галицкый, и ины галичане»⁴⁵.

Расстановка сил в Галицкой земле начала 40-х г. XIII в. предельно четко отражена в этом фрагменте свода. Даниилу и Василько Романовичам, стремившимся восстановить государственное единство Галицко-Волынской Руси, противостоят все деструктивные силы: бояре, их ставленник Ростислав и даже галицкий епископ Артемий, примкнувший к боярам из каких-то эгоистических соображений.

³⁸ Там же. С. 90.

³⁹ Там же. С. 93.

⁴⁰ Там же. С. 94.

⁴¹ Там же. С. 96.

⁴² Киевскому князю Владимиру Рюриковичу.

⁴³ Галицко-Волинський літопис. С. 97.

⁴⁴ Там же. С. 99.

⁴⁵ Там же. С. 104.

Борьба между Романовичами и боярами, выдвигавшими в галицкие князя Ростислава и всячески его поддерживавшими, продолжалась вплоть до лета 1245 г. Тогда в августе у галицкого города Ярослав войска Романовичей сошлись в генеральной битве с венгерскими и польскими полками, поддержанными отрядами враждебных Даниилу галицких бояр. Полководческий талант, решительность и личная храбрость Даниила Романовича принесли решительную победу его войску. В финале битвы «Данилови же женуцю черезъ дебрь глубокую на угры и русь биущия»⁴⁶. Эта «русь» и есть боярские отряды, почти полностью попавшие в плен.

После окончания Ярославской битвы Даниил, наконец, решительно и жестоко расправился с мятежными боярами, раз и навсегда покончив с боярской олигархической оппозицией: «Жирославъ же приведе Вьлодислава, злаго мятежника земли, в то же день и тѣй убиень бысть и инии»⁴⁷ (бояре. — Н. К.). Вновь книжник подчеркивает, что главная вина этого боярина и многих других его братьев по классу состоит в «мятеже земли», т. е. в подрыве княжеской власти, нарушении единства княжества, с таким трудом восстановленного Романовичами. Тот же тяжкий грех был присущ и различным князьям, служившим мятежным боярам и способствовавшим ослаблению, а то и распаду, Галицко-Волынского княжества.

С этого места и вплоть до конца великого княжения Даниила Романовича (1264 г.) Галицко-Волынский свод совсем не упоминает о каких бы то ни было «мятежах» и «ратях» бояр против Романовичей, даже о простом их неповиновении государственной власти. Бояре были полностью ослаблены, что, впрочем, не мешало им пользоваться малейшей возможностью предавать своих господ.

В начале 50-х годов XIII в. татарская орда Куремсы появилась возле южного рубежа Галицко-Волынского княжества: «Приѣхавше татаре къ Бакотѣ, и приложися Милѣй (комендант крепости. — Н. К.) к нимѣ». Даниил «посла сына си Лва на Бакоту ... и приведе Левъ Милѣя отцу си...». Но затем, при поручительстве Льва, Милея вернули в Бакоту. Но когда вновь пришли татары, Милей «сѣтвори леств и предасть ю паки татаромъ Бакоту». После этого Куремса пришел к сильно укрепленному Кременцу, воевода которого Андрей «надвое будущю»: говорил, что служит то Даниилу, то татарам. Татары взъярились, «и убиень бысть (Андрей. — Н. К.), и сердце его вырезаша, и не успѣвше ничто у Кремьянца, воротишася въ станы своа»⁴⁸.

И все же эти случаи боярской измены Романовичам в 40—50-е годы были не более чем эпизодами, не изменившими общей картины сокрушения княжеской властью феодальной оппозиции в стране. Вероятно, не случаен в общем нейтральный тон описывавшего измены Милея и Андрея своим сюзеренам. Авторы и редакторы Галицко-Волынского свода в части, посвященной княжению Даниила Романовича, наверное, сочли свою идейно-политическую задачу выполненной: дали достойную оценку боярской оппозиции, ее антигосударственным действиям, преступлениям против своих господ и народа. В тексте Галицко-Волынского свода, повествующего о событиях после 1245 г., описанные выше тенденции его авторов и составителей больше не прослеживаются.

Таким образом, существуют основания говорить об относительно целостном идейно-политическом кредо авторов, редакторов и составителей Галицко-Волынского свода, в основу которого заложена идея сильной, не ограниченной боярской оппозицией княжеской власти.

⁴⁶ Там же. С. 108.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 117.